

Т. А. Базарова

ПРОБЛЕМА ЕЖЕГОДНЫХ ВЫПЛАТ КРЫМСКОМУ ХАНСТВУ НА РУССКО-ТУРЕЦКИХ ПЕРЕГОВОРАХ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

doi: 10.30759/1728-9718-2021-4(73)-183-191

УДК 94(47)“18”

ББК 63.3(2)511-68

В статье рассматривается дипломатическая борьба вокруг закрепления в русско-турецких соглашениях отказа от ежегодных выплат крымскому хану. Данная проблема являлась одной из ключевых в отношениях России с Османской империей и Крымским ханством в Петровскую эпоху. Участие крымской дипломатии в обсуждении вопроса на русско-турецких мирных переговорах остается малоизученным в отечественной историографии. Константинопольский договор 1700 г. закрепил отмену обязательных ежегодных выплат Крымскому ханству. Однако неудача Прутского похода и невыполнение царем обязательств русско-турецких соглашений привели к возобновлению требования «крымской дачи». В 1711 и 1712 гг. на переговорах с русскими послами османы не настаивали на включении в текст мирного договора пункта о выплатах царя крымскому хану и довольствовались устными обещаниями. Сложная дипломатическая борьба по вопросу о «крымской даче» развернулась на мирных переговорах в Адрианополе в 1713 г., когда в обсуждение проблемы активно включился хан Каплан I Гирей. Статья о крымских выплатах (хотя и без провозглашения прямых обязательств) вошла в текст Адрианопольского 1713 г. и Константинопольского 1720 г. договоров. Поддержав на русско-турецких мирных переговорах «ханские претензии», Порта продемонстрировала готовность защищать интересы своего вассала. Петр I расценивал возвращение статьи о «крымской даче» как удар по международному престижу России.

Ключевые слова: *русско-турецкие мирные переговоры, дипломатия, выплаты Крымскому ханству, Адрианопольский мирный договор, Петр I, П. П. Шафиров, Каплан I Гирей*

На протяжении почти двух столетий (с 1474 по 1658 г. и с 1681 по 1685 г.) русское правительство отправляло в Крым денежную казну, меха и иные ценности.¹ Выплаты Крымскому ханству русская сторона, как правило, называла «казной» или «поминками». В историографии сложились две основные точки зрения на сущность поминков: как правило, их рассматривают как дань-откуп или как посольские дары.²

Если в начале XVII в. поездки русских послов с поминками к крымскому хану были

ежегодными,³ то во второй половине века они перестали носить регулярный характер. С 1658 по 1680 г. выплаты хану не производились. После заключения Бахчисарайского мира (1681) отправка в Крым денег и ценностей возобновилась и продолжалась до 1685 г.⁴ Прекращение выплат связано с подписанием русским правительством договора о вечном мире с Речью Посполитой 26 апреля 1686 г. По этому соглашению Россия обязалась направить армию против Крымского ханства, являвшегося вассалом Османской империи, с которой вела войну Священная лига.⁵

С событиями русско-турецкой войны связаны попытки русского правительства найти приемлемую форму отмены выплат путем переговоров с Крымским ханством. Уже после

¹ В первой половине XVII в. ежегодно в Крым отправляли деньгами и мягкой рухлядью 8 000–12 000 руб. (Артамонов В. А. О русско-крымских отношениях конца XVII — начала XVIII вв. // Общественно-политическое развитие феодальной России. М., 1985. С. 75).

² См.: Артамонов В. А. Указ. соч. С. 76, 77; Фаизов С. Ф. Поминки-«тыш» в контексте взаимоотношений Руси-России с Золотой Ордой и Крымским юртом (к вопросу о типологии связей) // Отечественные архивы. 1994. № 3. С. 50; Моисев М. В. Посольские дары-«поминки» в контексте взаимоотношений России с постордынскими государствами: проблемы изучения // От Смуты к империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. М.; Вологда, 2016. С. 163–171; и др. См. также: Стенограмма дискуссии // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2012. Вып. 4. С. 186–197.

³ Поминки не выплачивались за 1619, 1644 и 1645 гг. (Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 437–439).

⁴ См.: Фаизов С. Ф. Указ. соч. С. 50. В. А. Артамонов обратил внимание на два важных обстоятельства: с 1681 г. из русской дипломатической документации исчезает именование крымского хана «царем» или «братом», а его послов перестают принимать в Москве (Артамонов В. А. Указ. соч. С. 76).

⁵ Подписанный в Москве договор подтвердил условия Андрусовского перемирия, завершившего войну 1654–1667 гг. Полякам не удалось включить в договор точную дату начала похода и обязательство осадить турецкие крепости Очаков и Казыккермень (Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах: заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 366).

первого похода В. В. Голицына в Крым (1687) было высказано намерение заключить соглашение, которое отменяло бы ежегодные выплаты и даже предусматривало переход хана под власть русской короны.⁶ В мае 1689 г. в военном лагере под Перекопом В. В. Голицын снова предложил крымцам подписать договор, включивший отказ от получения ежегодной казны.⁷

В 1692 г. подьячий Василий Айтемиров доставил Сафе Гирею проект мирного соглашения, в котором среди прочих условий прописывалась и отмена поминков. На это предложение подьячий получил категорический отказ, не поддержал хан и идею обмениваться взаимными поминками. Крымцы по-прежнему настаивали на возобновлении условий Бахчисарайского договора 1681 г.⁸ Дальнейшая судьба крымских выплат определилась в результате переговоров петровских дипломатов с Османской империей.⁹

В сентябре 1699 г. в Стамбул на корабле «Крепость» прибыли посланники Е. И. Украинцев и И. П. Чередеев, перед которыми стояла задача заключить мир или длительное перемирие. Обязательным условием подписания договора провозглашалось закрепление в нем отказа от выплат Крымскому ханству. Позиция Посольского приказа отразилась в наказе Е. И. Украинцеву и И. П. Чередееву. Им предписывалось подчеркивать усиление политического и военного могущества России («...давано царского величество жалованье в те времена, когда Московское государство было не в такой силе и розпространении»; ныне государство усилилось, и «война татарская стала быть не страшна»)¹⁰. Помимо этого, посланники обращали внимание османских министров на то, что выплаты крымцам «за многие их неправды уже прекратились» и это надлежало отразить в договоре.

⁶ См.: Гуськов А. Г., Кочегаров К. А., Шамин С. М. Русско-турецкая война 1686–1700 гг. // Российская история. 2020. № 6. С. 47.

⁷ См.: Там же. С. 37.

⁸ См.: Фаизов С. Ф. Указ. соч. С. 52; Маркевич А. И. Пребывание в Крыму московского хана подьячего Василия Айтемирова в 1692–1695 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1890. № 9. С. 52, 53.

⁹ Вопрос о включении в русско-турецкое соглашение погодных выплат крымскому хану поднимался и на Карловицком конгрессе (Гуськов А. Г. Участие России в Карловицком конгрессе (1698–1699 годы): Русская дипломатия в раннее Новое время // Новая и новейшая история. 2018. № 3. С. 133; Богословский М. М. Петр I: Материалы для биографии. М., 1946. Т. 3. С. 398).

¹⁰ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 4. Л. 57. Согласно тексту наказа, размер неуплаченной «крымской дачи» за 16 лет составил 237 020 руб. Посланникам надлежало отвергать предложения о передаче данной суммы хану (Там же. Л. 136об.).

Закрепление в русско-турецком соглашении погодных выплат своему вассалу, крымскому хану, не являлось для Высокой Порты приоритетным. Такие проблемы посланники обсуждали не с рейс-эфенди, а с великим драгоманом (или государственным секретарем) Александром Маврокордато.¹¹ Впрочем, А. Маврокордато попытался защитить крымские интересы и предложил внести в мирное соглашение запись о «честной даче» без определенных обязательств со стороны России. Такая «дача» доставлялась бы в Крым не ежегодно, а по желанию государя.¹² Статья о выплатах (наряду со статьей о черноморской торговле) вызвала самые продолжительные споры. Е. И. Украинцев и И. П. Чередеев настаивали: упоминаний о «даче» Крыму (даже в качестве свидетельства добрососедских отношений) в мирном трактате быть не должно.¹³ В текст договора восьмая статья вошла в редакции, полностью отвечавшей интересам Петра I: «А понеже государство Московское самовластное и свободное государство есть, дача, которая по се время погодно давана была крымским ханам и крымским татарам, или прошлая, или ныне, впредь да не будет должна от его священного царского величества Московского даваться, ни от наследников его...»¹⁴

Тем не менее посланники на словах пообещали османским министрам, что Петр I продолжит «с честью» принимать ханских послов и «по милостивому призрению» посылать в Крым жалованье.¹⁵ Данное обязательство не зафиксировано в наказе, однако надо полагать, что Е. И. Украинцев имел на это санкцию Польского приказа.

Дипломатическая борьба вокруг крымских выплат в 1711 и 1712 гг.

В Петровскую эпоху помимо Константинопольского (1700 г.) было заключено еще четыре русско-турецких мирных соглашения: Прутский (1711 г.), Константинопольский (1712 г.), Адрианонопольский (1713 г.) и Константинопольский (1720 г.) договоры. В текстах двух последних снова появились статьи с упоминанием ежегодных крымских выплат.

В отечественной историографии дипломатическая борьба вокруг закрепления в русско-

¹¹ См.: Богословский М. М. Петр I: материалы для биографии. М., 2007. Т. 5. С. 147–153.

¹² См.: Там же. С. 149, 152.

¹³ См.: Там же. С. 224, 225.

¹⁴ ПиБ. СПб., 1887. Т. 1. С. 375.

¹⁵ Богословский М. М. Петр I: материалы для биографии. Т. 5. С. 153.

турецких соглашениях отказа от погодных выплат крымскому хану остается малоизученной. По мнению С. Ф. Орешковой, на переговорах в июле 1711 г. крымские интересы не были приняты во внимание, поэтому требование ежегодных выплат хану русской стороне не предъявлялось.¹⁶ Т. К. Крылова показала, что «крымская претензия» оставалась в силе до 22 октября 1713 г.¹⁷ Возрождение данной проблемы В. А. Артамонов связал с усилением крымских набегов на приграничные земли России в 1712–1713 гг.¹⁸ Обращаясь к вопросу выплат, он использовал термин «поминки». Однако судя по содержанию писем и отчетов русских дипломатов,¹⁹ в 1700–1710-х гг. на переговорах обсуждались не «поминки», а «крымская дача» или «ханская дача».

Константинопольский договор был заключен 3 июля 1700 г. сроком на 30 лет. Однако 9 ноября 1710 г. султан Ахмед III объявил России войну. 9 июля 1711 г. русский лагерь на правом берегу р. Прут оказался окруженным османской армией. Вести мирные переговоры царь поручил вице-канцлеру П. П. Шафирову. Оказавшийся в критическом положении Петр I ради мира соглашался отказаться от завоеванных русским оружием крепостей и земель не только на южных рубежах, но и от Лифляндии и даже от Пскова.²⁰ Несомненно, царь был готов уступить и по «крымской даче». Тем не менее в статейном списке П. П. Шафирова среди условий, которые выдвигала османская сторона, нет возобновления выплат крымскому хану. Эта «претензия» отсутствует и в опубликованном Я. Е. Водарским списке первоначальных требований турецкой стороны.²¹ Сохранились

свидетельства, что «погодная дача» (несомненно, под давлением крымского хана) все-таки обсуждалась на переговорах в турецком военном лагере. Девлет II Гирей принимал активное участие и в походе, и в заседаниях Дивана. Он, как и представитель шведского короля Ст. Понятовский, был против заключения мирного договора и вступил в конфликт с великим везиром Балтаджи Мехмед-пашой. В отместку великий визирь не стал настаивать на включении пункта о «крымской даче» в текст Прутского договора (12 июля 1711 г.).²²

В турецком военном лагере П. П. Шафиров был вынужден от имени царя дать устные обязательства. 16 октября 1711 г. по пути в Адрианополь (Эдирне) вице-канцлер написал Петру I: «Ежели, государь, придет до того, что нужда будет хана склонять, дабы не был противен, то принужденны ему будем обещать некоторую дачю, и просим на то указу, понеже при договоре о том нам говорили. И хотя я и отбилс я тогда, чтоб того не писать в договор, а на словах принужден был обещать, что подарками его изволишь обсылать, ежели он будет мир содержать. О чем тогда вашему величеству доносил, и тогда и на все то позволять было приказано».²³

Устную договоренность скрыть не удалось. Вскоре об этом стало известно в европейских столицах. 10 августа 1711 г. английский посол Р. Саттон написал из Стамбула своему правительству, что «царь связал себя отдельной статьей, которая, по его просьбе, чтобы избавить от бесчестия, не была включена в договор, о выплате в будущем обычной прежней дани (“pension”) татарскому хану в размере 40 000 дукатов ежегодно».²⁴ 1 сентября 1711 г. об обещании царя платить «прежнюю дань» сообщил из Вены английский дипломат Ч. Уитворт, ссылаясь при этом на письмо голландского посла при Высокой Порте Я. Кольера.²⁵ Прутское поражение и, как его следствие, устное обязательство ежегодной «ханской дачи» ударили по международному авторитету России.

¹⁶ См.: Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971. С. 128.

¹⁷ См.: Крылова Т. К. Русская дипломатия на Босфоре в 1711–1714 гг. // Международные связи России в XVII–XVIII вв. (экономика, политика и культура). М., 1966. С. 444.

¹⁸ См.: Артамонов В. А. Указ. соч. С. 79–82; Он же. Турецко-русская война 1710–1713 гг. М., 2019. С. 190.

¹⁹ Письма и реляции, а также записки и статейные списки русских дипломатов при Порте (1700–1720) в настоящее время хранятся в РГАДА (Ф. 89) и АВПРИ (Ф. 89). Черновики статейных списков П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева за 1713–1714 гг. отложились в Архиве СПбИИ РАН (Ф. 83). Переписка русских дипломатов с царем и Посольским приказом частично опубликована в «Письмах и бумагах императора Петра Великого» (ПиБ. М., 1992. Т. 13. Вып. 1; М., 2003. Т. 13. Вып. 2). Статейные списки П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. опублик.: Базарова Т. А. Русские дипломаты при османском дворе: статейные списки П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева 1711 и 1712 гг.: исследование и тексты. СПб., 2016.

²⁰ См.: ПиБ. М., 1962. Т. 11. Вып. 1. № 4564. С. 313. 11 июля царь указал вице-канцлеру: «...все чины по своему рассуждению, как тебя Бог наставит, и ежели подлинно будут говорить о миру, то стафь с ними на фсе, чев охотят, кроме шклафства» (Там же. № 4569. С. 317).

²¹ Водарский Я. Е. Загадки Прутского похода Петра I. М., 2004. С. 120, 121.

²² Впоследствии П. П. Шафиров вспоминал: «...обещано то и на Пруте на словах, хотя в трактат того Мегметь-паша за ссору с ханом не внес по своей злобе» (ПиБ. Т. 13. Вып. 1. Примеч. к № 6040. С. 447).

²³ ПиБ. Т. 11. Вып. 2. Примеч. к № 4909. С. 580; Базарова Т. А. Указ. соч. С. 248.

²⁴ The Despatches of Sir Robert Sutton, Ambassador in Constantinople (1710–1714). London, 1953. P. 64, 65.

²⁵ См.: Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе Чарльза Витворта и секретаря его Вейсброта с 1708 г. по 1711 г. // Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 50. С. 496.

27 ноября 1711 г. в Стамбул пришли известия об отказе Ф. М. Апраксина передать турецким представителям Азов, и 9 декабря Высокая Порты снова объявила войну России. Одновременно с подготовкой армии к походу османы начали переговоры с П. П. Шафировым и М. Б. Шереметевым, выдвинув более тяжелые для России условия, чем на р. Прут.²⁶

В донесениях и статейном списке П. П. Шафиров упоминал, что крымский хан принимал участие в мирных конференциях. Надо полагать, что Девлет II Гирей снова поднимал вопрос о «погодной даче». Переводчик английского посольства и информатор русских дипломатов рагузинец Лука Барка передал вице-канцлеру, что Порты готова поддержать требования крымского хана.²⁷ Тем не менее пункт о крымских выплатах не вошел и в Константинопольский договор (5 апреля 1712 г.) П. П. Шафиров еще раз подтвердил устное обещание «дачи». 8 апреля вице-канцлер сообщил царю: «...понеже хан крымской в великом кредите у салтана и зело человек каварной и острой <...> ему и при сем трактате, хотя на словах, однакож погодная дача обещана». П. П. Шафиров предложил послать к Девлету II Гирею гонца с письмом Г. И. Головкина или Б. П. Шереметева, чтобы от имени царя передать заверение в дружбе, а также «какой-нибудь от мехов и соболей подарок».²⁸

В дальнейшем вице-канцлер советовал Посольскому приказу отправлять деньги и меха в Крым не от государя, а в качестве даров от послов при Порте, канцлера Г. И. Головкина или генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева. Ожидавшие ратификации русские дипломаты получали известия о недовольстве хана новым мирным договором. Так, подполковник Питц, побеседовавший с Девлетом II Гиреем в Бендерах, перечислил его претензии: царь относится к хану как к подданному султана, не пишет и подарков не присылает. Питц передал послам услышанную угрозу: «И он-де (хан — Т. Б.) посмотрит еще некоторое время, что потом будет, и потом знает как поступить».²⁹ Обеспокоенный П. П. Шафиров направил секретаря Николая Барку к великому везиру и рейс-эфенди. Османские министры посоветовали не воспринимать угрозы хана всерьез, но порекомендовали все же «удовольствоваться» его «по нынешней час какою

ни есть дачею с страны царского величества». Относительно отказа царя поддерживать контакты с Бахчисараем позиция русских дипломатов оставалась неизменной: Петр I и Ахмед III заключили мир как два монарха. Оба они имеют вассальных правителей (султан крымского хана, а царь хана Аюку и гетмана); время прямых русско-крымских переговоров закончилось.³⁰

31 октября 1712 г. Высокая Порты опять разорвала мирные отношения с Петром I и объявила подготовку к военному походу. Поводом стало невыполнение условия о запрете на пребывание царских войск в Польше. Русские послы были заключены в крепость Едикуле (Семибашенный замок). Именно оттуда в конце марта 1713 г. их доставили в Адрианополь, где находились султан, османский двор и правительство. 3 апреля состоялась первая встреча П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева с рейс-эфенди, на которой послы подтвердили свои полномочия и готовность участвовать в мирных переговорах.³¹

Русско-турецкие переговоры в Адрианополе и крымский хан Каплан I Гирей

В марте 1713 г. султан сместил Девлета II Гирея и передал ханский престол его брату — Каплану I Гирею.³² Русские послы докладывали из Адрианополя: «...был у салтана публично на приезде новой хан Каплан Гирей. И дано ему по обычаю перо алмазное и шуба, да сабля, яко знак наставления его в тот чин».³³ Крымский хан пребывал в Адрианополе все время, пока там шли переговоры. Только 15 июня 1713 г. (уже после подписания договора) султан отправил Каплана I Гирея в Крым с указанием «удерживать татар от своевольтств».³⁴

В Адрианополе хан не только участвовал в заседаниях османского правительства. 12 апреля 1713 г. он вместе с великим везиром Ибрагимом-пашей под видом загородной прогулки посетил Демирдеш, где находился Карл XII. Однако король под предлогом болезни отверг приглашение отобедать в их шатрах, и личная встреча не состоялась.³⁵ 13 апреля Диван постановил выдвинуть османское войско к русским границам. Однако армия в поход не пошла: через два дня

³⁰ Там же. С. 687.

³¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 1. Л. 80б.

³² Каплан I Гирей вступил на престол во второй раз: он уже стоял во главе Крымского ханства с 1707 г. до декабря 1708 г. Причиной его смещения стал неудачный поход на черкесов (Артамонов В. А. Турецко-русская война... С. 322).

³³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 1. Л. 110б.

³⁴ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 7. Л. 281.

³⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 1. Л. 390б.

²⁶ Подробнее см.: Орешкова С. Ф. Указ. соч. С. 151–153.

²⁷ См.: Базарова Т. А. Указ. соч. С. 336.

²⁸ Там же. С. 400.

²⁹ Там же. С. 686.

Ибрагим-паша был смещен с должности. «Наместником везирства» (каймакамом) стал зять султана Ахмеда III Силахдар Дамат Али-паша.

Али-паша, как и его предшественник, не спешил начинать мирные конференции с русскими послами. В Андрианополе появились слухи, что новым великим везиром станет Юсуф-паша,³⁶ за которым якобы уже послали.

В ожидании начала переговоров вице-канцлер практически ежедневно посылал переводчиков к Али-паше, муфти и рейс-эфенди.³⁷ П. П. Шафиров направил переводчика и к крымскому хану с поручением поздравить и «склонять его к стране» Петра I. Но Каплан I Гирей «по обычаю своему татарскому, яко желатель войны, говорил многие противности, и будто некоторые пункты в трактатах неясно изображены и не исполнены». Поэтому вице-канцлер решил воздержаться от дальнейших контактов с ханом: «...если не буду принужден от Порты, уклоняться; однакож, хотя б и дошло с ним быть в разговорах, то ничего сверх договора позволять не будем».³⁸

Осуществить данное намерение П. П. Шафирову не удалось. Высокая Порты настояла на том, чтобы русские послы и хан еще до начала мирных переговоров договорились по вопросам, касавшимся взаимоотношений России и Крыма. К середине апреля 1713 г. сложилась ситуация, когда без посредничества Каплана I Гирея русские послы не могли подавать мемориалы наместнику или султану. Возражения П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева, что они присланы государем к Высокой Порте и могут обсуждать статьи договора с крымским ханом только как с «министром с ыными комисары и с полною мочью», не принимались.³⁹ Рейс-эфенди указал передать мемориал не Али-паше, а крымскому хану: «...понеже он, хан, от салтана о сем деле имеет комисию».⁴⁰ После этого послам ничего не оставалось, как просить Каплана I Гирея вручить русский мемориал Ахмеду III.⁴¹

20 апреля 1713 г. послы, «видя хана в кредит», передали ему «во знак любви... мех соболей пластинчатой доброй, две пары соболей добрых, сукон да парчей венецких золотых и

отласов по два портища».⁴² Каплан I Гирей подарок принял и пообещал, что во время мирных переговоров татары воздержатся от набегов на русские земли.⁴³

П. П. Шафиров, получив известие, что турецкая армия в ближайшее время двинется к русской границе и именно там начнутся мирные переговоры,⁴⁴ решил вручить мемориал напрямую султану. 24 апреля, когда Ахмед III посетил мечеть, подьячий Иван Небогатой и курьер Константин Дмитриев передали ему посольский мемориал. Однако и этот отчаянный шаг не ускорил хода событий. П. П. Шафирову и М. Б. Шереметева (26 апреля к ним наконец присоединился П. А. Толстой, которого освободили из заключения и позволили прибыть в Адрианополь)⁴⁵ по-прежнему приходилось искать содействия у Каплана I Гирея. «Будто за издевку» хан им отвечал, что переговоры не начинаются из-за жалобы в их мемориале на татарские набег.⁴⁶ Муфти, к которому послы обратились за поддержкой, сообщил, что промедление происходит из-за того, что султан еще не назначил великого везира.⁴⁷

Наконец, 7 мая послов вызвали в дом рейс-эфенди для обсуждения условий нового мирного соглашения. Согласно достигнутой договоренности, его основой должен был стать текст Константинопольского договора 1712 г. с уточнением старых и добавлением новых статей. Помимо вопросов, касавшихся срока вывода войск из Польши, маршрута их следования из Померании, установления границы между реками Самарой и Арелью, поселения казаков — подданных османского султана, снова обсуждалось возобновление погодных выплат крымскому хану.

П. П. Шафиров писал, что представители турецкой стороны называли этот пункт легким: «...чтоб по-прежнему хану с товарищи дачю погодно давать, чтоб его с татары тем удовлетворять, ибо де бес того-де и мир сей тверд быти не может».⁴⁸ Вице-канцлер пытался убедить османских представителей, что если против воли послов все-таки появится пункт о «даче погодной» крымскому хану, то Петр I не ратифицирует договор, «ибо лехче царскому величеству часть некоторую государства своего уступить,

³⁶ Ага Юсуф-паша (ум. 1713) был великим везиром Османской империи с 20 ноября 1711 г. по 11 ноября 1712 г. При нем был подписан Константинопольский мир от 5 апреля 1712 г. После отставки Юсуфа-пашу сослали на о. Родос.

³⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 1. Л. 570б.

³⁸ Там же. Л. 58.

³⁹ Там же. Л. 69об.–70.

⁴⁰ Там же. Л. 71.

⁴¹ Там же. Л. 71об.

⁴² Там же. Л. 82.

⁴³ Там же. Л. 82об., 84.

⁴⁴ Там же. Л. 87.

⁴⁵ Там же. Л. 1010б.

⁴⁶ Там же. Л. 95–95об.

⁴⁷ Там же. Л. 960б.

⁴⁸ Там же. Л. 1170б.

нежели на сие бесчестное дело позволить. И не могут они ни по какому праву и достоинству того от них претендовать, понеже царское величество государь самодержавной и в свете славной, как же он может салтанова величества подданному дачю какую давать с повинности?»⁴⁹ В ответ османские комиссары предложили русским дипломатам согласовать вопросы границы между реками Самарой и Арелью, а также погодную дачу напрямую с крымским ханом.⁵⁰

Послы обратились с просьбой к Каплану I Гирею не настаивать на внесении этих пунктов в договор, поскольку их не было в предыдущих трактатах.⁵¹ В признательность за склонение Порты к миру они пообещали после подписания соглашения прислать 30 мешков левков и на 10 мешков левков соболей и мехов.⁵² Послы заверили хана, что и царь «повелит чем обослать, смотря по его поступкам», но ни на словах, ни в договоре они не могут дать обязательство ежегодных выплат. Однако Каплан I Гирей ответил отказом, пояснив, что «ис подарку был бы прибыток толко ему одному, а он хочет, чтоб то не ему одному, но на всех ево братью и мурз было».⁵³

Вскоре послы получили известие, что Каплан I Гирей продолжает настаивать на выплате «погодной дачи». Продолжавшаяся три часа беседа хана «наодине» с Али-пашей не сулила ничего хорошего. Обеспокоенные русские дипломаты пытались найти поддержку у рейс-эфенди и муфти, доказывая, что их государь не может показать себя «трибутарием» вассала османского государства.⁵⁴ Только 13 мая послы получили обнадеживающее сообщение своего агента — французского переводчика А. Форнета, что «Порта дала ответ хану, что не надобно ему претендовать того, что в прошлые времена антецесоры его получали от его царского величества».⁵⁵

П. П. Шафиров снова решил изложить свою позицию на бумаге. 15 мая новые мемориалы были поданы муфти, Али-паше и хану. Однако это привело к неожиданным для русских послов последствиям: крымский хан вернул присланные ему подарки. Соболя и сукно бросили перед воротами посольского двора с угрозой, «чтоб они, послы, готовы были в яму,

где и згинут, сидя, за то, что не хотят обещать хану погодных дач, как прежде сего бывало». На следующий день, чтобы смягчить хана, П. П. Шафиров послал к нему переводчика с обещанием нового подарка. Однако Каплан I Гирей отправил переводчика назад.⁵⁶

18 мая охрана перестала выпускать кого-либо с посольского двора даже с целью покупки пищи. Через караульного чорбаджи послам удавалось поддерживать связь с рейс-эфенди, который настаивал на внесении в трактат погодной дачи хану и поселении запорожцев на р. Самаре. 21 мая послы направили очередной мемориал Али-паше, где снова высказали готовность после подписания договора «дать в дар от себя» хану 40 000 левков (в том числе на 10 000 левков мягкой рухлядью).⁵⁷

Через неделю послам сообщили, что по указу султана в договор включили пункты «о даче погодной хану и о жилище казаков на Самаре и на половины меж оною рекою и Арелью». За отказ подписать соглашение угрожали заключить послов в тюрьму и начать военный поход. Однако вскоре Высокая Порта немного умерила запросы. Драгоман А. Маврокордато передал русским дипломатам новое решение османского правительства: «...для пресечения ныне намерения к войне написать в трактате, дабы о даче ханской отложить, договариватся в ыное время впредь».⁵⁸

4 июня возобновились конференции с османскими министрами. На первой же встрече начались споры о «крымской даче». Послов обвинили, что они сами «тое дачю обещали, когда была не токмо им, но и государю их на Пруте нужда, а ныне от того отпираются». На это П. П. Шафиров напомнил османским уполномоченным, что Прутский и Адрианопольский договоры были подтверждены великим везиром и правительством по указу султану, да и сам крымский хан присутствовал на переговорах и согласился на прописанные в тексте трактата условия.⁵⁹

На шести конференциях русских послов с османскими министрами консенсуса достигнуть не удалось. Они настаивали на внесении в текст договора статьи о погодной даче, угрожая прекращением переговоров.⁶⁰ Аргументы Порты оставались неизменными: возобновление еже-

⁴⁹ Там же. Л. 118–118об.

⁵⁰ Там же. Л. 118об.

⁵¹ Там же. Л. 121.

⁵² РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 7. Л. 221об.; Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 1. Л. 156об., 161об.

⁵³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 1. Л. 125.

⁵⁴ Там же. Л. 128об.–129.

⁵⁵ Там же. Л. 142об.

⁵⁶ Там же. Л. 152–152об.

⁵⁷ Там же. Л. 161об.

⁵⁸ Там же. Л. 167.

⁵⁹ См.: ПИБ. Т. 13. Вып. 1. Примеч. к № 6040. С. 448.

⁶⁰ См.: Там же. С. 450.

годных выплат укрепит мир между двумя государствами. По словам Али-паши татары совершают набеги и берут полон, потому что «инога прибытку не имеют, а естли б-де московские по-прежнему дачи хану и татарам давали, то б-де того не было, а был бы на обе стороны покой и тишина». ⁶¹ Русские дипломаты стояли «накрепко», настаивая, что царь никогда не ратифицирует позорный для него договор. ⁶²

Вечером 12 июня вокруг посольского двора снова усилили охрану. П. П. Шафиров с товарищами обвинили в том, что они намеренно затягивают переговоры, чтобы прошло подходящее для военного похода время. На следующий день им передали слова османских уполномоченных: если не примут выдвинутые условия, «то ожидали себе конца, и будут им головы, где у них ноги». Русские послы были вынуждены согласиться на предложенную Портой редакцию статьи договора. ⁶³ 15 июня 1713 г. состоявшийся в султанском дворце Диван (с участием Каплана I Гирея) утвердил мирное соглашение. ⁶⁴

Таким образом, можно выделить два этапа переговоров в Адрианополе. На первом, в апреле 1713 г., русские послы по вопросам ежегодных выплат и разграничения земель общались с крымским ханом. На следующем (в мае–июне) проходили официальные встречи с османскими министрами. Начало второго этапа связано с утверждением Али-паши в должности великого везира. В течение почти трех месяцев переговоров наиболее острым оставался вопрос о возобновлении крымских выплат. Внесенная в окончательный текст договора формулировка не отвечала интересам ни крымского хана, ни русского правительства: «О запросе крымском, предложенном от Блистательной Порты, понеже не имеем мы полной мочи и ныне не ведаем о том деле намерения царского величества, нашего всемилоштивейшего государя, и тако имеется о том в иное время говорить и соглашаться с изволения обеих стран». ⁶⁵

19 июня в Россию отправили курьера с текстом Адрианопольского договора. Через три недели он был доставлен в Санкт-Петербург. 15 июля Петр I написал П. П. Шафирову, что одобряет соглашение и отправит посла с ратификацией. Однако, как и полагал вице-канц-

лер, десятая статья вызвала недовольство государя: «...ибо оным оставлена дыра сим псам в огород христиан влесть. Но однако, когда уже сделано, быть так». ⁶⁶

В ожидании ратификации османские министры не оставляли попыток добиться признания погодных выплат. 12 сентября 1713 г., уже после вручения султану доставленной Д. А. Бестужевым-Рюминым царской грамоты, османские министры выясняли у русских послов, получили ли они полномочия на решение вопроса о крымских выплатах, поскольку «время-де уже иное, как в том пункте написано, ныне к тому пришло». ⁶⁷ Великий везир и в октябре продолжал настаивать на переговорах об изменении десятого пункта договора. Основной довод османских министров оставался прежним: без выплаты хану погодной дачи татарские набеги не прекратятся и мир между двумя государствами не будет прочным. На одной из встреч послы привели аргумент, против которого у Али-паши не нашлось возражений: Петр I мирный договор заключил с Османской империей, а не с крымским ханом. Правителям обоих государств надлежит своих подданных удерживать от набегов на сопредельные территории. ⁶⁸

Наконец, 22 октября 1713 г. Диван постановил, что война с Россией из-за крымских запросов будет противна закону. ⁶⁹ Через пять дней османское правительство ратифицировало Адрианопольский договор. В ноябре 1713 г. крымскому хану отправили указ султана «сохранять и почитать» мирный договор с Россией. ⁷⁰

Таким образом, усиление давления на русских послов связано именно с назначением Каплана I Гирея. Включив в повестку дня переговоров обсуждение «крымских претензий», Порты выказала новому хану свое расположение. Али-паша намеревался отвоевать Морею и направить турецкий флот против Венеции, ⁷¹ поэтому ему требовалось спокойствие в пределах Османской империи и поддержка (при необходимости военная) Крыма.

«Великие диспуты»

на русско-турецких переговорах в 1720 г.

Последняя попытка петровской дипломатии исключить из русско-турецкого договора

⁶¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 1. Л. 155об.–156.

⁶² См.: ПиБ. Т. 13. Вып. 1. Примеч. к № 6040. С. 451.

⁶³ См.: Там же. С. 454, 455.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 7. Л. 280об.–281.

⁶⁵ ПСЗ. Т. V. № 2687. С. 42.

⁶⁶ ПиБ. Т. 13. Вып. 2. № 6114. С. 61.

⁶⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 8. Л. 502.

⁶⁸ Там же. Л. 550об.

⁶⁹ См.: ПиБ. Т. 13. Вып. 1. Примеч. к № 6040. С. 467.

⁷⁰ Опул.: ПиБ. Т. 13. Вып. 1. Примеч. к № 6040. С. 469.

⁷¹ См.: Крылова Т. К. Указ. соч. С. 421.

статью о «крымской даче» была предпринята в 1720 г., когда чрезвычайный и полномочный посланник А. И. Дашков вступил в переговоры с Высокой Портой относительно соглашения о вечном мире.⁷² Основой для нового договора должен был стать отредактированный текст Адрианопольского мира 1713 г.

11 марта 1720 г. Коллегия иностранных дел приняла решение, «чтоб он, Дашков трудился 10-й пункт по запросу крымском отставить, а вместо того в вечном мире написать как прежде сего с Украинцовым заключено было».⁷³ В случае отказа османской стороны вернуться к редакции статьи, включенной в текст Константинопольского договора 1700 г., посланнику следовало добиваться исключения пункта о крымских выплатах из соглашения о вечном мире.⁷⁴

23 июня 1720 г., как доложил посланник в Санкт-Петербург, «великия диспоты были» по поводу «ханской претензии». Рейс-эфенди настаивал на редакции мирного договора 1713 г. По мнению А. И. Дашкова, рейс-эфенди активно защищал интересы крымского хана: «...и ему радеет, понеже у турков всякой реиз-эфенди агентом бывает ханским». Сам же посланник при поддержке французского посла маркиза Ж.-Л. де Боннака попытался склонить на свою сторону муфти, убеждая «о той ханской претензии, дабы отставлена была, понеже то не новое дело старое, ибо зделано то еще чрез посланника господина Украинцова здесь в 1700 году, и последовательно чрез посла князя Голицына ратификовано, и чрез нынешняго салтана подтверждена безпрекословно», а изменения в 1713 г. были внесены по совету шведского короля.⁷⁵

В ноябре 1720 г. статья о «ханской претензии» осталась единственной, по которой не удалось достичь консенсуса. Свою позицию А. И. Дашков изложил в поданном великому везиру мемориале. Но «ответ получил острой», что Порта не может согласиться на предложения посланника, поскольку пойдут слухи о подкупе османской стороны. К тому же татары получают «причину выбития ис послушания Порты и пошли бы сами той претензии искать в землях царского величества множественными силами». С другой стороны, и Ж.-Л. де Боннак советовал уступить в «бездельном артикуле... а к тому ж тот пункт о претензии крымской которой зело мудро написан еще к чести царского величества, а к бесчестию Порты».⁷⁶ В новый Константинопольский договор (1720) статья о крымских выплатах вошла практически в той же редакции, что и в Адрианопольский трактат (1713).

***

В начале XVIII в. на переговорах с Высокой Портой русская дипломатия уже не рассматривала Крымское ханство как субъект международного права. Царь напрямую не отказывался от отправки «дачи» вассалу османского государства, но провозглашал право самому определять ее размер и время доставки в Крым. «Дача» превращалась из повинности в вознаграждение за добрососедские отношения. Однако поражение в русско-турецкой войне 1710–1713 гг. привело к падению международного авторитета России. Ослабили позиции петровских дипломатов при Высокой Порте. Крымский хан добился не только устных обещаний, но и включения статьи о выплатах в русско-турецкие мирные соглашения.

Tatiana A. Bazarova

Candidate of Historical Sciences, Saint Petersburg Institute of History of the RAS (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: tbazarova@yandex.ru

⁷² Никифоров Л. А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны: Ништадтский мир. М., 1959. С. 304, 305.

⁷³ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1720 г. Д. 3. Л. 13.

⁷⁴ Там же. Л. 48.

⁷⁵ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1720 г. Д. 4. Л. 108об.–110.

⁷⁶ Там же. Л. 139–140. А. И. Дашков резонно заметил: «А ныне написали тот же пункт в трактат, то и горше, понеже сперва в 1713-м году, что полномочные царского величества не ведают намерения к тому его величества, изволил ли принять или нет, а ныне уже тому минуло 7 лет, а написано то ж, в семь лет царское величество не изволил будто о том сведом быть, и то-де значит по разсуждению искусных людей, что царское величество отнюдь той претензии акцептовать не изволил. А написали они турки тот пункт в нынешнем трактате токмо для памяти по своему обычаю, а силы оной артикул по силе сего вечного мира отнюдь-де иметь не возможен» (Там же. Л. 140об.).

THE PROBLEM OF ANNUAL PAYMENTS TO THE CRIMEAN KHANATE DURING THE RUSSIAN-TURKISH NEGOTIATIONS IN THE FIRST QUARTER OF THE 18TH CENTURY

The paper considers diplomatic struggle around fixing in the Russian-Turkish agreements the refusal of annual payments to the Crimean Khan. This problem was one of the key issues in Russia's relations with the Ottoman Empire and the Crimean Khanate during the Petrine era. The participation of Crimean diplomacy in the discussion of the problem at the Russian-Turkish peace talks remains poorly studied in Russian historiography. The Treaty of Constantinople (1700) secured the abolition of annual payments to the Crimean Khanate. However, the failure of the Prut campaign and non-fulfilment of Russian-Turkish peace agreements obligations by the tsar led to the renewal of the demand for annual payments. In 1711 and 1712, during negotiations with Russian ambassadors, the Ottomans did not insist on including to the peace treaty a clause on payments to the Crimean Khan and were content with oral promises. A difficult diplomatic struggle on the "Crimean dacha" unfolded at the peace talks in 1713, when Kaplan I Giray joined the active discussion of the problem. The clause on Crimean payments (without declaring direct obligations) was included in the text of the Adrianople (1713) and Constantinople (1720) treaties. By supporting the "khan's claims" at the Russian-Turkish peace talks, the Sublime Porte demonstrated the readiness to protect the interests of its vassal. Peter I regarded the return of the clause about the "Crimean dacha" as a blow to Russia's international prestige.

Keywords: *Russian-Turkish peace negotiations, diplomacy, payments to the Crimean Khanate, Adrianople peace treaty, Peter I, P. P. Shafirov, Kaplan I Giray*

REFERENCES

- Artamonov V. A. [On the Russian-Crimean relations of the late 17th — early 18th centuries] *Obschestvenno-politicheskoe razvitie feodal'noy Rossii: Sbornik statey* [Social and political development of feudal Russia: Collection of articles]. Moscow: Institut istori SSSR Publ., 1985, pp. 71–88. (in Russ.).
- Artamonov V. A. *Turetsko-russkaya voyna 1710–1713* [Turkish-Russian war of 1710–1713]. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2019. (in Russ.).
- Bazarova T. A. *Russkiye diplomaty pri osmanskom dvore: Stateynnye spiski P. P. Shafirova i M. B. Sheremeteva 1711 i 1712 gg.: issledovaniye i teksty* [Russian Diplomats at the Ottoman Court: Stateinye spiski by Peter Shafirov and Mikhail Sheremetev in 1711 and 1712: Research and Texts]. Saint Petersburg: Istoricheskaya illustratsiya Publ., 2016. (in Russ.).
- Bogoslovsky M. M. *Petr I: Materialy dlya biografii* [Peter I: Materials for biography]. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1946, vol. 3. (in Russ.).
- Bogoslovsky M. M. *Petr I: Materialy dlya biografii* [Peter I: Materials for biography]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2007, vol. 5. (in Russ.).
- [Discussion transcript]. *Srednevekovyye tyurko-tatarskiye gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar states]. Kazan: II im. Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2012, iss. 4, pp. 186–197. (in Russ.).
- Faizov S. F. [Payments-'tysh' in the context of relations between Russia with the Golden Horde and the Crimean yurt (On the question of the relationship typology)]. *Otechestvennye arkhivy* [Domestic archives], 1994, no. 3, pp. 49–55. (in Russ.).
- Guskov A. G. [Russia's participation in the Congress of Karlowitz (1698–1699): Russian diplomacy in the early modern era]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and Current History Journal], 2018, no. 3, pp. 119–141. DOI: 10.7868/So130386418030095 (in Russ.).
- Guskov A. G., Kochegarov K. A., Shamin S. M. [Russian-Turkish War 1686–1700]. *Rossiiskaia Istorია* [Russian History], 2020, no. 6, pp. 30–49. DOI: 10.31857/So86956870012929-2 (in Russ.).
- Kochegarov K. A. *Rech' Pospolitaya i Rossiya v 1680–1686 godakh: Zaklyucheniye dogovora o Vechnom mire* [Polish-Lithuanian Commonwealth and Russia in 1680–1686: Conclusion of the Eternal Peace Treaty]. Moscow: Indrik Publ., 2008. (in Russ.).
- Krylova T. K. [The Russian diplomacy on Bosphorus in 1711–1714]. *Mezhdunarodnye svyazi Rossii v XVII–XVIII vv.: (Ekonomika, politika i kultura)* [International relations of Russia in the 17th–18th centuries: (Economy, policy and culture)]. Moscow: Nauka Publ., 1966, pp. 410–446. (in Russ.).
- Moiseev M. V. [Ambassadorial gifts-'pominki' in the context of relations between Russia and the post-Horde states: problems of study]. *Ot Smuty k imperii. Novyye otkrytiya v oblasti arkhologii i istorii Rossii XVI–XVIII vv.* [From Smuta to Empire. New discoveries in the field of archaeology and the history of Russia in the 16th–18th centuries]. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa Publ., 2016, pp. 163–171. (in Russ.).
- Nikiforov L. A. *Vneshnyaya politika Rossii v posledniye gody Severnoy voyny: Nishtadtskiy mir* [Russian foreign policy in the last years of the Great Northern War: Treaty of Nystad]. Moscow: AN SSSR Publ., 1959. (in Russ.).
- Novoselsky A. A. *Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoy polovine XVII veka* [The struggle of the Moscow state with the Tatars in the first half of the 17th century]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1948. (in Russ.).
- Oreshkova S. F. *Russko-turetskiye otnosheniya v nachale XVIII v.* [Russian-Turkish relations at the beginning of the 18th century]. Moscow: Nauka Publ., 1971. (in Russ.).
- Vodarsky Ya. E. *Zagadki Prutskogo pohoda Petra I* [Mysteries of the Prut campaign of Peter I]. Moscow: Nauka Publ., 2004. (in Russ.).